

— СОВРЕМЕННАЯ ОСТРОСЮЖЕТНАЯ ПРОЗА —

**Андрей
ВАЛЕНТИНОВ**

АРГЕНТИНА

Книга 5

ЛЕЙХТВЕЙС

Харьков
«Фоллио»
2018

Глава 1

Марсианин

Закат. — Улица мира. — «Трансваль, Трансваль, страна моя». — Словом, делом и кровью. — Атака. — Сансеполькрест. — Ночь и холод. — Царица Небесная. — Рейнские горы. — Большая Италия. — Ночной Орел

1

...В бездонном небе, где нет опоры, где не ухватишь рукою воздух, где только птицы дорогу знают, где пламенеет огонь заката, где тучи ходят неровным строем, где человеку не сыщешь места...

Он выпал из облака, зацепился взглядом за розовый краешек солнца и только тогда сжал правую руку в кулак — не слишком быстро, чтобы избежать рывка. Дальним привычным эхом отозвался страх. Вдруг не сработает, откажет? Шанс — один на миллион, но это будет его шанс, последний перед тем как земля ударит в грудь. Марсианский ранец, черный плоский блин за спиной, сделан не марсианами, обычными людьми, которым свойственно ошибаться. Облако лишь снаружи белое, внутри — серый мокрый туман, техника и вода не слишком дружат...

Легкий толчок. Тело, ударив в невидимую преграду, зависло в воздухе, разом потеряв вес, и он успокоился. Перчатка-гироскоп сработала, все штатно, даже исчезнувший страх. Ничего не поделаешь, человек в небе — чужак, здесь нет опоры, ее носишь с собой, за плечами.

...Настало время мечтам сбываться, парить над миром с богами вровень, забрать их силу, попать их гордость. Живущим кратко нет выше чести, и метеором ворвавшись в Вечность, навек остаться в сиянии славы...

Стекла очков заливала вода, и он поспешил достать из правого кармана платок. Протирал долго, успев вспомнить, чему его учили. Облака, даже самые невинные, белые, словно ангельское крыло, лучше обходить стороной: в безвидной серости потеряешь ориентацию, а заодно и вымокнешь, что никак не на пользу. Тучи, особенно темные грозовые — запретная зона. Туда хода нет...

Очки все равно остались мокрыми, но видеть он уже мог. Край облака, закат, горизонт, затянутый такими же белыми облаками. Земли не было, и тот, кто упал с неба, легко шевельнул правой перчаткой. Есть! Все, как в иллюминаторе, только ближе на километр. Река, два моста, один — с железнодорожной эстакадой, а по берегам неровные многоугольники жилых кварталов. На том, что ближе, улицы идут радиально, на дальнем же без всякого порядка, наискось. Юг — впереди, там, где темнеет еле различимая полоса леса, запад — закат! — справа... Потому и нарушил инструкции, не включив ранец сразу после того, как шагнул в отверстый боковой люк. Самолет доставил почти точно к месту, не хотелось терять лишние минуты. Ему надо налево, прочь от заката.

Человек прикрыл на миг глаза, вспоминая карту, и успокоился окончательно. Объект он теперь найдет, все прочее же не представляет сложности. Учили — и выучили. Он — самый лучший!

...Ворваться в небо — нет выше чести, подняться выше земного праха, окинуть взглядом простор бездонный. Летай иль ползай, конец известен, но сколь прекрасна судьба Икара!..

— Скромнее, мой Никодим! — посоветовала Смерть, незримо парившая рядом. — Ты — не лучший, в группе был лишь третьим. Первый и второй уже встретились со мной.

Третий лишь улыбнулся, неслышно двинув губами.

— Значит, они не лучшие. А зовут меня — Лейхтвейс. Запомни!

Смерть не стала спорить. Лейхтвейс? Пусть его! Все равно это не слишком надолго. Живущим под облаками не обещано долголетие.

— Ты тоже не вечна, — понял ее тот, кто обратился небо в твердь. — Разница лишь в сроках. Тебе успеет надоесть твоя работа, а мне — нет!

Смерть вновь промолчала. Ее слово все равно будет последним, когда она встретится с наглым мальчишкой лицом к лицу и взглянет прямо в глаза. А пока пусть делает свою — её — работу!

Лейхтвейс... Имя казалось легким и невесомым, словно клочок вечернего тумана. Лейхт-вейс...

...Чужое имя, чужое небо, приказ получен, пристегнут ранец. Всесилен разум — венец творенья, он в поднебесье шагнуть позволил и обернулся крылатой птицей — не ради жизни, но Смерти ради...

Смерть по-прежнему была рядом, у самого плеча, но Лейхтвейс уже забыл о ней. Привычка! В небе они всегда вместе, такая уж у него служба. Мельком взглянул на часы, затем на компас, уточняя направление, и вновь вспомнил карту. Итак, Париж, Сена, берег левый, берег правый. Правый ему и нужен, за жилыми кварталами — Булонский лес, 16-й округ, ориентир — площадь Виктора Гюго. А прямо за нею — неровные квадраты Пасси: особняки, зеленые дворики, узкие улочки. До того, как стемнеет, он должен отыскать нужную.

Правая рука — вперед, ладонь в перчатке-гироскопе разжата. Легкий свист ветра в ушах. Послушная небесная твердь поддалась, уступая дорогу. Быстрее, быстрее, быстрее!..

...Крылатый демон лишен сомнений, пряма дорога, спокоен разум, он выше прочих, сильнее и зорче, ему подвластен простор небесный. Пусть пал Люцифер, он — превозможет...

Работаем!

Смерть, проводив его взглядом, неслышно скользнула вслед. Она не отстанет.

Лейхт-вейс...

2

Шагнув с крыльца на истертый булыжник, он, не думая, поглядел налево в сторону маленькой площади с храмом, попытавшись поднять правую руку ладонью ко лбу. Не смог — наручники на запястьях, чужие пальцы на локте. Карабинер слева, и справа карабинер. Держат крепко, не вырвешься — и крест не сотворишь. «Иначе пути не будет, — непонятно в шутку или всерьез говаривал

дед, старый вольнодумец и почитатель Бакунина. — Храмов много, но этот, Сандро, наш!» И сам подавал пример. Все прочие игнорировал, даже базилику Святого Петра, его же заместителя без всякого почтения именовал шаманом в камиллавке. Маленький Сандро вначале очень этому удивлялся, а потом решил, что у деда наверняка был свой дедушка. Он и научил креститься. Насчет же шамана деду виднее, потому что он не просто дед, а еще и профессор истории.

Бабушка, когда они выходили из дому вместе, тоже крестилась на храм, после чего доставала из сумочки расческу и честно пыталась привести в порядок буйные вихры внука. Без особого успеха — жесткие волосы с трудом поддавались даже ножницам парикмахера. Два-три шага по улице — и все усилия насмарку. Мальчик рос истинным дикобразом — и очень этим гордился.

На улице вышла заминка. Один из карабинеров принялся докладывать хмурому типу в штатском, второй на миг ослабил хватку, и человек в наручниках смог снова взглянуть на знакомый с детства храм. Chiesa Santa Maria della Pace — серый мрамор, четыре колонны у входа. Святая Мария улицы Мира... Там улица и заканчивается, не слишком длинная, всего на десяток домов. В детстве маленький Сандро легко пробегал от первого до последнего, даже дыхания не сбив. Ветер в ушах, старый булыжник скользит под ногами...

Дед умер в 1916-м, на полгода пережив бабушку, а через месяц после его похорон, внук, студент первого курса, ушел на фронт. Профессор бы не одобрил. «Войны бывают всякие, но эта — точно не наша», — обронил он незадолго перед кончиной. Внук думал иначе — и записался добровольцем. В казарме его первым делом коротко постригли, чему бабушка, будь она жива, очень бы порадовалась. Ненадолго — в окопах у Изонцо волосы снова отросли. Там бывшего студента и окрестили Дикобразом. Он и не думал обижаться — у прочих клички оказались еще похуже. Капрала Муссолини в глаза именовали Кувалдой, а он лишь гордо поводил плечами.

С тех пор многое изменилось. Бывший капрал поменял кличку на более короткую — Дуче, темные волосы его однополчанина пробила первая седина. И окопы теперь у них — разные.

— Князь Алессандро Руффо ди Скалетта? — поинтересовался штатский, заглянув в записную книжку, где лежал фотоснимок. — Прощу в машину.

Перед тем, как его втолкнули в дверцу, князь все-таки успел перекреститься — двумя скованными руками. Иначе пути не будет.

* * *

Об аресте его предупредили еще неделю назад, настоятельно посоветовав сейчас же покинуть Италию. Дальний родственник, служивший в министерстве внутренних дел, якобы совершенно случайно увидел очередной список. Князь не поверил ни в случайность, ни в сердобольного родича. Кто-то на самом верху, может, даже сам бывший капрал Кувалда, не хотел лишнего шума. Нынешние правители страны старались не ссориться с княжескими семьями. Дуче силен, но не всемогущ. Есть еще законный король, Его Величество Виктор Эммануил III, а за королем — армия.

За предупреждение князь поблагодарил, но уезжать не стал. Лишние бумаги сжег в старинном камине, заплатил жалованье прислуге за полгода вперед, отправил по почте пухлую бандероль и принялся спокойно ждать. Арест будет уже не первый. Молодого преподавателя университета Ла Сапиенца отправили в тюрьму осенью 1924 года за участие в Авентинском блоке. Не слишком надолго, всего на неделю, но с работы уволили немедленно, причем без права преподавания в высшей школе Италии. Второй раз за ним пришли через два года, после чего князь, поддавшись на уговоры родственников, покинул страну. Вернулся в 1935-м и решил больше надолго не уезжать. Будь что будет! Тридцать девять лет, большая часть жизни, считай, прожита. Был мальчишка — и нет его. Из зеркала смотрит кто-то костлявый, с впалыми худыми щеками и навечно вставшими дыбом дикобразными иглами вместо прически. Предки бы точно не одобрили.

...Дед — историк, отец — инженер-мостостроитель. Внук закончил философский факультет, но преподавательская стезя оборвалась в самом начале. Когда спрашивали о профессии, князь разводил руками и не слишком уверенно отвечал:

— Профессия? Ну, пожалуй... Сценарист!